

УДК 94:327.82 (470+471)

Шилов Сергей Павлович

доктор исторических наук, профессор

sshilov@mail.ru

Sergey P. Shilov

doctor of historical sciences, professor

sshilov@mail.ru

ПОСЛЕДНИЕ ШАГИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА ПУТИ ПРИЗНАНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ НОРВЕГИИ В 1905 ГОДУ

THE LAST STEPS OF THE RUSSIAN DIPLOMACY IN THE WAY OF RECOGNITION OF THE INDEPENDENCE OF NORWAY IN 1905

***Аннотация.** В статье дается краткая характеристика действий российской дипломатии на заключительном этапе признания независимости Норвегии в 1905 г. На основе проведенного анализа политики официального Петербурга по «норвежскому вопросу» был показан ее многоцелевой характер. С ее помощью предполагалось сгладить проблемы, возникшие после Бьорка с Германией, нейтрализовать воинственные намерения Великобритании, вытекавшие из действовавшего Канроберовского трактата 1855 г., обеспечить целостность Швеции и отменить конвенцию об Аландских островах.*

***Ключевые слова:** внешняя политика России, Германии, Великобритании, независимость Норвегии, Швеция, Канроберовский трактат.*

***Annotation.** The given article gives a short characteristic of some actions of the Russian diplomacy at the final stage of recognition of Norway independence in 1905. On the basis of the carried-out analysis of the policy of official St. Petersburg on "the Norwegian question" the authors showed its multi-purpose character. With its help it was supposed to smooth the problems, connected with Björk, with Germany, to neutralize the aggressive intentions of Great Britain, caused by the existing Canrobert's treatise of 1855, to provide the integrity of Sweden and to cancel the convention on the Aland Islands.*

***Keywords:** foreign policy of Russia, Germany, Great Britain, independence of Norway, Sweden, Canrobert's treatise.*

Традиционно при изучении внешней политики России в начале XX в. историки первостепенное внимание уделяют Дальнему Востоку, где в 1904-1905 гг. шла русско-японская война, или Западной Европе, поскольку она являлась «кухней мировой политики». При этом северная часть европейского континента незаслуженно остается в тени, хотя там, как показали события, связанные с выходом Норвегии из унии со Швецией, также лежали стратегические интересы российского государства. Об этом убедительно свидетельствуют документы, положенные в основу анализа действий

русской дипломатии на заключительном этапе признания независимости Норвегии в 1905 г.

История с провозглашением норвежского временного правительства показала, что тактикой русского МИД становилось, несмотря на проявление лояльности к борьбе норвежцев за независимость, полное отсутствие желания делать по этой проблеме какие-либо опережающие шаги. Однако в связи с появлением перспектив разрыва унии появляются первые признаки некой системности во внешнеполитических действиях России. Определённым стимулом к этому послужили слухи о желании Великобритании возобновить в случае распада унии Канроберовский трактат 1855 г. Заключённый в годы Крымской войны договор предусматривал англо-французскую военную помощь Швеции в случае нарушения Россией ее территориальной целостности. Продление этого соглашения, как было указано в отчёте МИД, «означало бы не что иное, как новый дипломатический шаг Англии, недоброжелательный по отношению к России» [1, л.122]. Повышало активность министерства иностранных дел и желание поставить вопрос перед Швецией об отмене конвенции 1856 г., которая запрещала возводить укрепления на Аландских островах.

Наконец, в условиях почти неприкрытой борьбы между Англией и Германией за влияние на скандинавские страны, можно было использовать норвежский и другие вопросы балтийской политики для налаживания более тесного сотрудничества с немцами по проблеме нейтрализации входа в Балтийское море. Последнее можно рассматривать как компенсацию за отказ Петербурга от ратификации Бьёрского договора 1905 г., предусматривающего союзные отношения с Берлином. Встреча двух императоров в финляндских шхерах близ острова Бьёрке в июле 1905 г. была примечательной во всех отношениях. Вопрос о Норвегии, например, стал тогда одним из «разгонных» на пути к достижению царствующими особами полного взаимопонимания. Со слов Вильгельма II, германский дипломат Г. Чиршки (H. Tschirschky) коротко записал содержание беседы кайзера с царём в первый день встречи на яхте «Полярная звезда». В первом пункте стояла Норвегия. Ее переворот в отношениях со Швецией «очень интересовал» царя из-за нависшей угрозы со стороны Великобритании, которая не остановится перед захватом некоторых норвежских портов и тем поставит под удар «мурманские гавани» [2, С. 454].

Таким образом, норвежская проблема стала мотором для стагнирующей в годы русско-японской войны русской европейской политики и легла в основу изложенного вице-директором II департамента МИД М.А. Таубе «Плана политики России в Скандинавском и Балтийском вопросах». План предусматривал последовательное решение следующих задач: подписание секретного протокола с Германией о проливах и гарантии нейтралитета Дании, заключение конвенции о целостности Норвегии и в связи с этим отмену как потерявшего актуальность Канроберовского трактата 1855 г., подписание декларации о целостности Швеции, отмену конвенции об Аландских островах. 13 (26) октября 1905 г. документ оказался на столе у императора и был одобрен [3, с. 244-245].

По норвежской составляющей, план Таубе был конкретизирован в то же самое время в упомянутой выше докладной записке Ламздорфа царю. Для «парализования» возможных действий Великобритании предполагалось, во-первых, признать Норвегию «во всей её территориальной неприкосновенности» и, во-вторых, как можно быстрее аккредитовать в Христиании дипломатического представителя, который должен убедить норвежцев отказаться от пролонгации договора 1855 г. [4, с. 48-49]. Одновременно не следует преувеличивать значение Канроберовского трактата в деле признания Петербургом независимости Норвегии. Позиция России в этом вопросе была очерчена ещё до появления слухов о соответствующих замыслах Великобритании. Тактика, которой придерживалось российское правительство, соответствовала рекомендациям полномочных представителей России в скандинавских странах, в том числе и полковника Алексева. Так как норвежцы с большим нервным напряжением следят за каждым звуком о произведенном ими перевороте, необходимо воспользоваться этим, «чтобы расположить к себе будущую новую монархию» [5, л. 18]. Вряд ли это могло произойти на фоне предъявления требований к норвежцам по территориальному вопросу.

Таким образом, обращение 15 (28) октября министра иностранных дел Лёвланда с просьбой «войти в официальные сношения с Россией» не могло поставить Россию в трудное положение [4, с. 51]. Основа внешнеполитического курса в отношении Норвегии была определена.

За официальным признанием Норвегии спустя некоторое время последовало назначение чрезвычайного посланника и полномочного министра в Христиании. Им стал советник российского посольства в Риме А.Н. Крупенский. Однако его назначению предшествовала довольно интересная и в какой-то степени показательная полемика, которая произошла между министром иностранных дел Ламздорфом и министром финансов И.П. Шиповым по поводу денежного содержания и тесно связанного с этим вопроса о статусе будущего представителя России в Норвегии. 7 ноября Ламздорф направил Шипову в связи с признанием Норвегии письмо с сообщением о включении в состав дипломатической миссии в Норвегии должностей посланника и секретаря посольства. На эти цели министерству финансов предлагалось утвердить новую смету в размере 33 тыс. рублей в год. Однако министерство финансов воспротивилось указанной цифре. «Не много ли?», - появилась помета на полях письма Ламздорфа [6, л. 1]. А вскоре экспертами ведомства Шипова были подготовлены предложения по сокращению расходов. Они снижали планируемую министерством иностранных дел сумму до 24 тыс. рублей. Одновременно было решено сэкономить и на дипломатической миссии в Стокгольме [6, л. 2]. Сказано – сделано! В ответном письме Ламздорфу Шипов предложил уменьшить денежное содержание посланнику с 27 тыс. рублей до 18 тыс. в год (подобно министру – резиденту при папском престоле в Риме) на том основании, «что проектируемая миссия учреждается при правительстве Норвегии, государства, только ещё начинающего самостоятельное политическое существование, а при таких условиях дипломатические сношения с норвежским правительством, по крайней мере в

первое время, едва ли будут особенно интенсивны». Что касается миссии в Стокгольме, то круг её обязанностей в связи с расторжением унии между Швецией и Норвегией также уменьшится, что и ставит вопрос о возможности соответствующих сокращений штатных расходов [6, л. 4]. Реакция Ламздорфа была быстрой и достаточно эмоциональной.

Руководитель МИД указал плохо разбирающему в вопросах внешней политики министру финансов, что новому представительству в Христиании предстоит решение целого ряда сложных вопросов международного характера, «вызванных к жизни новым порядком вещей». Он напомнил также, что размер содержания дипломатических агентов определяется не интенсивностью работы, а занимаемым рангом и связанными с этим обязанностями. И если император назначает в Норвегию дипломатического представителя, который по своему рангу равен представителю в Стокгольме, министерство иностранных дел не может положить ему содержание в меньшем размере. Не следовало бы также и забывать, что из-за близкого родства между призванным на норвежский престол принцем датского королевского дома и домом Романовых представительство в Христиании будет нести те же, если не большие расходы, что и другие зарубежные миссии, состоящие в том же ранге [6, л. 6-6 об].

В отношении планов сокращения расходов на дипломатическое представительство в Швеции министр иностранных дел был не менее категоричен. Он заметил, что условия, при которых произошло расторжение унии, предусматривает «соблюдение крайней осторожности» в урегулировании дипломатических сношений с двумя королевствами. При этом необходимо «избегать всего того, что могло бы быть истолковано в смысле уменьшения престижа старейшего из них», к чему может привести изменения в штатах императорской миссии в Стокгольме [6, л. 7]. «По-видимому, придется отступить?» - сделал помету на письме Ламздорфа Шипов. Что и было сделано. 2 декабря министр финансов дал официальное согласие на утверждение сметы расходов по дипломатической миссии в Норвегии согласно предложению министерства иностранных дел [6, л. 8].

Это решение можно отнести к разряду малозначащих с политической точки зрения, если бы не одно обстоятельство. Влияние министерства финансов простиралось далеко за пределы отведенной ему сферы деятельности, начиная с 1900 г. Именно тогда, не без усилий тогдашнего министра Витте, оно было поставлено в равное положение с министерствами иностранных и внутренних дел [7, с. 26]. Таким образом, эта была нелёгкая победа, а упорство, которое проявил Ламздорф, подтверждает важность, которое придавалось им развитию отношений с новой Норвегией. Впрочем, для самого Крупенского размер денежного содержания вряд ли имел большое значение. По свидетельству военного агента в скандинавских странах А.А. Игнатьева, этот пост он занимал с 1908 г., русская миссия в Норвегии всегда существовала в полном смысле этого слова на средства своего посланника богатейшего помещика из Бесарабии Крупенского. В противоположность «боявшимся собственной тени» посланников в Дании и Швеции И.А. Кудашева и Будберга, Крупенский вел себя как крепостник — помещик. И не только в отношении собственного

секретаря. «Il est terrible votre ministre! – как-то пожаловались Игнатьеву норвежцы. – Il vient au ministère – cravache à la main!» [8, с. 342].

Полученная Крупенским инструкция от 17 ноября указывала на необходимость «объясниться дружественным образом» с Лёвландом, избегая при этом всякой категоричности, по поводу нежелательности возобновления трактата 1855г. Если норвежское правительство желает обеспечить неприкосновенность своей территории, то наилучший способ достижения этой цели – соглашение великих держав (России, Германии, Франции и Англии) по предоставлению гарантии неприкосновенности норвежской территории [4, с. 66-75].

На первой встрече с Лёвландом Крупенский практически озвучил соответствующий раздел своей инструкции, добавив от себя, что в случае подтверждения приписываемого Норвегии стремления возобновить Канроберовский договор, Россия меньше, чем когда либо, останется равнодушной «к столь непонятному недоверию» [9, л. 30]. Это было сделано, учитывая характер Крупенского, не в слишком мягкой форме. Это вызвало недовольство Ламздорфа, который посоветовал посланнику «соблюдать некоторую сдержанность и не брать излишней инициативы». К удовлетворению российской стороны, Лёвланд заявил, что Норвегия уверена в добрых намерениях России и не ищет другой гарантии территориальной неприкосновенности. Если в будущем норвежское правительство и сочтёт такую гарантию полезной, то она будет немыслима без участия всех великих держав и особенно России [4, с. 83]. Дальнейшие события показали, что Лёвланд чётко придерживался этой политической формулы. Это немало способствовало успеху пятистороннего договора о территориальной целостности Норвегии, заключённом в октябре 1907 г., а также договорённостям об отмене Канроберовского трактата в следующем 1908 г.

Таким образом, признание независимости Норвегии не было проявлением слабости или силы со стороны России. Оно было продиктовано вполне конкретными внешнеполитическими обстоятельствами. Нельзя списывать со счетов исторические, экономические и культурные факторы. Признание новой Норвегии было хорошо продуманным шагом русской дипломатии и свидетельствовал о возвращении страны в большую европейскую политику. В свою очередь, норвежская революция оживила внешнеполитические контакты Российской империи с великими державами, и прежде всего с Германией. Известно, что договорённости Петербурга и Берлина по вопросу о предоставлении Норвегии гарантий неприкосновенности в известной степени компенсировали неудачу германо-русского Бьёркского соглашения. Возникшая почти на пустом месте проблема трактата 1855 г. повергла в глубокие раздумья российскую дипломатию относительно перспектив развития отношений с Великобританией, добавив аргументы сторонникам сближения с «владычицей морей». Оказались полезны и «домашние» уроки. Норвежская проблема выявила изъяны российского механизма принятия внешнеполитических решений, указав на межведомственную разобщённость, которая приводила к несогласованности действий между влиятельными ведомствами, например,

между министерством иностранных дел и министерством финансов. То же самое можно сказать об отношениях дипломатов и военных. Последние, похоже, не были знакомы с планом северной политики МИД. Это нашло подтверждение в некоторых оперативных разработках Генерального штаба, свидетельствующих о разбалансированности политики и военной стратегии.

Литература:

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ.) Ф. 137. Оп. 475. Д. 137.

2. *Die Große Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amts/Hrsg. von J. Lepsius, A. Medelsohn-Bartholdy, F. Thimme. Bd. 1–40. Berlin, 1922–1927. Bd. 19 (2). № 6218.*

3. Игнатьев А.В. *Внешняя политика России в 1905 – 1907 гг.* М.: Наука, 1986. 302 с.

4. *Признание Россией норвежского независимого государства: Сб. документов / сост. В. В. Похлёбкин.* Москва : Соцэкгиз, 1958. 106 с.

5. *Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА).* Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903.

6. РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 14588.

7. Ананьич Б.В. *Россия и международный капитал. 1897–1914 гг. Очерки истории финансовых отношений.* Л.: Наука, 1970. 316 с.

8. Игнатьев А.А. *Пятьдесят лет в строю.* М.: Воениздат, 1988. 750 с.

9. АВПРИ Ф. Канцелярия 1905 г. Оп. 470. Д. 24.

Literature:

1. *The foreign policy archives of the Russian Empire (next – FPARE).* f. 137. in. list. 475. arch. Aff.137.

2. *Die Große Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amts/Hrsg. von J. Lepsius, A. Medelsohn-Bartholdy, F. Thimme. Bd. 1–40. Berlin, 1922–1927. Bd. 19 (2). № 6218.*

3. Ignatiev A. V. *Foreign policy of Russia in 1905 – 1907.* M.: publishing house of Science, 1986. 302 p.

4. *Russia's recognition of the Norwegian independent state: the Collection of documents / the compiler of the book V.V. Pokhlebkin.* Moscow: Socio-economic publishing house, 1958. 106 p.

5. *The Russian state military-historical archive (next – RSMHA).* f. 200. in. list. 1. arch. Aff.903.

6. RSMHA. f. 565. in. list. 4. arch. Aff. 14588.

7. Ananich B. V. *Russia and international capital. 1897-1914, essays on the history of financial relations.* L.: publishing house of Science, 1970. 316 p.

8. Ignatiev A. A. *Fifty years in the ranks.* M: Military publishing house, 1988. 750 p.

9. FPARE. f. Chancellery. in. list. 470. arch. Aff. 24.